

Глава 11

Цзинчжэ проспал очень долго. Когда он проснулся и увидел знакомый потолок, то не сразу пришёл в себя.

Внутренний жар спал. Когда исчезла та странная, всепоглощающая волна зноя, даже кости, казалось, стали легче.

Он что... вернулся в Северные покои?

Как он сюда попал?

В голове роились вопросы, но, возможно, оттого, что лежать было слишком уютно, он не стал шевелиться, а просто лежал на кровати, глядя в пустоту.

В Северных покоях было очень тихо, слышался лишь шорох падающего снега.

Внезапно он вспомнил, что вчера, кажется, был канун Нового года.

Из-за этого проклятого «баффа» он совсем потерял счёт времени. Когда он встретился с Жун Цзю, то и не подумал об этом. Это он его сюда принёс?

Значит, сегодня первый день нового года.

Новый год в Северных покоях прошёл безрадостно.

Многие до сих пор были заняты поминками по Цайжэнь Яо.

[Сегодня второе число.]

Система молча поправила ошибочное предположение носителя.

Только что поднявшийся Цзинчжэ замер и растерянно посмотрел в окно. Снаружи было раннее утро, воздух был влажным — видимо, ночью шёл мокрый снег.

— Как это возможно? Я же просто проспал, не мог же я проспать целый день...

[Носитель действительно проспал день и ночь. Иначе как бы прошёл эффект «баффа»?]

Цзинчжэ замолчал. Наказание длилось три дня. Оно началось в день смерти Цайжэнь Яо, двадцать девятого числа двенадцатого месяца. Чтобы прошёл полный день, нужно было дожидаться утра следующего дня.

Он встретил Жун Цзю в канун Нового года.

Раз сейчас он чувствовал себя нормально, значит, это утро четвёртого дня.

Сегодня второе число.

Он проспал целый день и целую ночь?!

Строго говоря, даже день и две ночи.

Цзинчжэ потянулся, проверил свою одежду — всё было в порядке. Он опустил взгляд, нахмурившись. Жун Цзю ведь не обнаружил его тайну... правда?

В те времена оскопление не всегда означало полное удаление.

Чаще всего удаляли лишь яички, сохраняя большую часть внешнего вида.

Именно поэтому Цзинчжэ до сих пор удавалось скрывать свою тайну, иначе это было бы невозможно.

Он вышел на улицу и умылся снегом. Ледяной холод заставил его вздрогнуть и окончательно проснуться.

Цзинчжэ твёрдо решил, что впредь не поддастся соблазну красоты и не будет принимать неверных решений.

Например, оставаться у Жун Цзю. Хотя это и было проявлением доброты, но что, если бы его тайна раскрылась?

Одна неосторожность — и он мог бы и его втянуть в неприятности.

Особенно с этой системой...

Предыдущие «баффы» были не так страшны, но этот был просто чудовищен, он чуть не погубил его. Ещё пара таких — и ему конец.

[Система уже провела первичную корректировку, задачи были изменены.]

[Задание 4: Раскрыть тайну смерти Цайжэнь Яо.]

— Какая польза будет принцу Жую от того, что я узнаю, как умерла Цайжэнь Яо? — нахмурился Цзинчжэ.

Да и какая польза была от неё живой?

[После тщательного анализа система пришла к выводу, что носитель прав. Цель системы — предотвратить упадок династии Хэлянь. Кто будет императором, не так важно. Однако корректировка задач требует времени, и некоторые из них всё ещё будут иметь «высокий» уровень сложности. Просьба к носителю принять это к сведению.]

Значит, теперь главной задачей системы больше не было понукать Цзинчжэ помогать принцу Жую.

Для Цзинчжэ это была хорошая новость.

Иначе было бы просто отвратительно.

Он умылся, переоделся и пошёл по двору, где столкнулся с Ханьдань.

Увидев, что он на ногах и выглядит здоровым, она попросила его сходить за едой. Цзинчжэ согласился и, проводив взглядом спешащую к господам Ханьдань, удивлённо поднял бровь.

Похоже, Ханьдань и не знала, что вчера его не было в Северных покоях.

Как это удалось Жун Цзю?

Удивляясь про себя, Цзинчжэ направился на Императорскую кухню.

После того как с Цянь Цинем случилось несчастье, главным управляющим стал другой. Этот, Чжу Эрси, был сухопарым, с неважным характером, и его крики часто разносились по кухне.

Но Цзинчжэ казалось, что атмосфера на кухне стала лучше, чем при Цянь Цине.

По крайней мере, Чжу Эрси говорил что думал, ничего не тая.

Он мог накричать, но после этого считал инцидент исчерпанным и не держал зла. Цянь Цинь

же, наоборот, всегда был любезен, а потом мог нанести удар в спину.

Подчинённым, очевидно, больше нравился Чжу Эрси.

Когда Цзинчжэ пришёл, многие дворцы уже забрали свою еду, и к его очереди осталось всего несколько человек.

Кипящая жизнью Императорская кухня немного успокоилась.

Но некоторые печи всё ещё топились.

Он по правилам взял еду и собрался уходить, но его окликнул незнакомый молодой евнух.

— Ты Цзинчжэ из Северных покоев?

Цзинчжэ кивнул.

— А ты кто?

Молодой евнух улыбнулся:

— Значит, всё верно. Подожди немного, тебя хочет видеть управляющий Чжу.

Цзинчжэ нахмурился. Он не имел никаких дел с Чжу Эрси.

Тот не должен был его знать.

К счастью, покои Чжу Эрси были недалеко.

Внутри Чжу Эрси громко ругался. Он был худым, но голос у него был зычный. Когда молодой евнух привёл Цзинчжэ, тот сразу его заметил и окинул оценивающим взглядом.

Ещё на подходе Цзинчжэ услышал, что Чжу Эрси говорит о том, что кто-то пробрался в его комнату.

Молодой евнух обеспокоенно спросил:

— Управляющий, что-то пропало?

Чжу Эрсю сплюнул.

— Ничего не пропало.

Цзинчжэ, наблюдая за выражением его лица, почувствовал неладное.

Нет.

Что-то точно пропало.

Это было не облегчение.

Чжу Эрсю посмотрел на Цзинчжэ и поднял бровь:

— Так это ты Цзинчжэ?

Он не знает, как тот выглядит?

Тогда зачем звал?

— Вот, держи.

Чжу Эрсю порылся в кармане и бросил ему что-то маленькое. Цзинчжэ едва успел поймать.

С трудом удержав предмет в руке, он разглядел зелёное нефритовое кольцо лучника.

— Это тебе оставил Чэнь Ань, — равнодушно сказал Чжу Эрсю. — Он говорил, что если услышит о тебе во дворце, то передаст это тебе.

Цзинчжэ, сжимая кольцо, замер.

— ...Дедушка Чэнь?

Чэнь Ань был тем самым главным евнухом, который принимал его партию во дворец. Своим благополучным зачислением Цзинчжэ был обязан именно ему.

Чжу Эрсю, казалось, не собирался ничего объяснять. Кража в его комнате вывела его из себя. Он махнул рукой, веля Цзинчжэ уходить.

Молодой евнух снова вывел его.

— Ты не обижайся на управляющего, — тараторил он. — Он хороший человек, просто язык у него злой. В последнее время к нему в комнату несколько раз залезал вор, но так и не поймали, вот он и злится.

— И ничего не украли? — машинально спросил Цзинчжэ.

— Управляющий говорит, что нет, — покачал головой молодой евнух. — Ничего не пропало, но почему-то всё время лезут, странно...

Он и сам был озадачен, но, провожая Цзинчжэ, был очень любезен.

Цзинчжэ запомнил его имя.

Хаолинъ.

Он служил у Чжу Эрси уже несколько лет и считался его доверенным лицом.

На обратном пути в Северные покои Цзинчжэ опустил глаза.

Чжу Эрси прослужил во дворце много лет, и его было не так-то просто раскусить. Но его вспыльчивость была напускной, и в моменты смены настроения можно было заметить истинные чувства.

Чжу Эрси догадывался о причине частых краж. Точнее, он, вероятно, знал, за чем охотился вор.

Цзинчжэ коснулся груди.

Может, это зелёное кольцо?

Когда Чжу Эрси отдавал его, в его глазах читалось облегчение и расслабление.

И немного удачи.

Он думал о Чжу Эрси, а Чжу Эрси в своей комнате думал о нём.

У Чжу Эрси и Чэнь Аня были хорошие отношения.

Точнее, Чэнь Ань спас Чжу Эрсю жизнь.

Долг нужно было вернуть.

Поэтому он так долго хранил это зелёное кольцо и никому о нём не говорил.

Он был вспыльчив, но осторожен.

Он заметил, что в его комнате кто-то был, в первый же день.

Дворец хоть и охранялся, но мелкие кражи случались.

Но чтобы у него?

Это уже слишком.

Чжу Эрсю обыскал всю комнату, но ничего не пропало. Он всю ночь думал и наконец понял, в чём дело.

«Чэнь Ань, Чэнь Ань, ты и после смерти умудряешься создавать мне проблемы».

Так ворчал Чжу Эрсю, но всё же, кряхтя, отодвинул тяжёлый шкаф. Под ним, в полу, была выдолблена ниша, где лежал деревянный ящичек.

Открыв его, он увидел ещё одно зелёное кольцо.

Чжу Эрсю взял его, собираясь выбросить пустую шкатулку, но вдруг остановился. Подумав, он положил в неё золотое кольцо и вернул всё на место. А зелёное кольцо стал носить с собой.

И действительно, через несколько дней вор снова наведалься.

После нескольких таких попыток Чжу Эрсю проверил тайник — шкатулка была пуста. Убедившись, что вещь пропала, он помрачнел.

После долгих раздумий он решил отдать кольцо Цзинчжэ.

Хоть Цзинчжэ и был простым евнухом из Северных покоев, и говорить о какой-то известности во дворце не приходилось, но, по крайней мере, Чжу Эрсю знал, что перед своей смертью Цянь Цинь ходил в Северные покои и просил у Чэнь Миндэ человека.

Этим человеком был Цзинчжэ.

Неважно, по какой причине, но имя Цзинчжэ спустя столько лет снова дошло до Чжу Эси... так что он не нарушал своего обещания, верно?

Чжу Эси поспешил избавиться от этой горячей картофелины.

Вернувшись в Северные покои, Цзинчжэ разнёс еду и переговорил с Ханьдань.

Она сказала, что матушка Мин передала весть: они вернутся через несколько дней.

Они вдвоём остались присматривать за оставшимися господами.

Тело Цайжэнь Яо должны были держать в покоях всего семь дней. Но из-за Нового года Вдовствующая императрица сочла это дурным предзнаменованием и, не желая омрачить праздники, решила отложить похороны на сорок девять дней.

Это меняло дело. Вдовствующая императрица прислала своих людей, так что Чэнь Миндэ и матушка Мин могли вернуться после седьмого дня.

Цзинчжэ снова коснулся груди и посмотрел в сторону покоев Цайжэнь Яо.

Ханьдань спросила:

— Что, всё ещё думаешь об этом?

— Я просто не понимаю, кто хотел убить Цайжэнь Яо? — тихо сказал он.

— Кто бы это ни был, нас это не касается.

Её слова звучали холодно, но таков был закон выживания во дворце.

Не твоё дело — не лезь.

Видя, что Цзинчжэ нахмурился, она пожала плечами:

— Если тебе нечем заняться, приберись в её комнате. Хэ Е убралась, но некоторые вещи ещё не

вынесли, их нужно вернуть.

Цзинчжэ и так собирался это сделать, поэтому, услышав слова Ханьдань, он просто кивнул.

Через час Цзинчжэ закончил опись всех вещей в комнате Цайжэнь Яо, разложив всё по категориям и составив список.

В Северных покоях все знали, что он грамотный, так что скрывать это не было нужды.

Проходя мимо, Ханьдань увидела, как он усердно работает, и, покачав головой, ушла.

В Северных покоях только Цзинчжэ мог так поступать.

Всегда браться за неблагодарную, хлопотную работу.

Но если случалась беда, первым, о ком они вспоминали, был Цзинчжэ.

Не факт, что он поможет, но он точно не навредит.

В этом и была разница.

Они не могли стать такими, как Цзинчжэ. Они смеялись над ним.

Но они и завидовали ему.

Он жил гораздо честнее многих.

А сейчас честный Цзинчжэ, закончив с вещами Цайжэнь Яо, вернулся в свою комнату.

Немного воровато, как кот.

Комнату Цайжэнь Яо обыскивали.

Цзинчжэ был, пожалуй, самым близким к ней человеком в Северных покоях. Он часто бывал у неё и, хоть и не знал её покои досконально, но был знаком с ними лучше других.

Комнату Цайжэнь Яо определённо кто-то перерыл.

Это подтверждало его догадку.

Цайжэнь Яо убили.

А убийца после этого обыскал её комнату.

В Северных покоях охраны практически не было, так что проникнуть сюда было несложно.

Но это давало Цзинчжэ чувство скрытой угрозы. Тот, кто так легко убил Цайжэнь Яо, мог так же легко убить и других.

И в то же время в комнате Чжу Эрсю орудовал вор. В строго охраняемом Запретном городе... могло ли это быть совпадением?

«В мире самое ненадёжное — это совпадения».

Так часто говорил его отец.

Сердце Цзинчжэ сжалось. Все эти, казалось бы, обыденные события, в конце концов, оказались связаны с ним?

Но чем он, простой Цзинчжэ, мог кому-то помешать?

К счастью, в комнате Цайжэнь Яо он нашёл кое-что.

Как Чжу Эрсю носил кольцо с собой, подсунув вору подделку, так и Цайжэнь Яо проявила смекалку. Хотя всю её комнату перевернули вверх дном, она сумела оставить кое-что, что не нашли.

У Цайжэнь Яо была игольница.

В самой игольнице ничего не было спрятано, только нитки и иголки. Серебряная игла для проверки яда тоже была там.

Но игольница была сшита из двух слоёв ткани, её можно было вывернуть наизнанку, явив другой цвет.

И тут Цзинчжэ осенило, он вспомнил, как Цайжэнь Яо постоянно возилась с этими иглами.

Игольница осталась в комнате, значит, её секрет не раскрыли, и она попала в руки Цзинчжэ.

На изнанке игольницы мелким, как мухи, почерком было написано:

«Неважно, в каком году и месяце я умру, мой убийца непременно связан с Вдовствующей императрицей. Ибо в этом мире только я знаю, что смерть Вдовствующей императрицы Цышэн — на её совести. Важнейшую вещь я спрятала за восьмой синей плиткой на дорожке за боковым залом дворца Сюсю. Можете забрать её».

Что? Разве это не покойный император?

При чём здесь Вдовствующая императрица?

Почерк Цайжэнь Яо был совсем не похож на её обычное безумное поведение, он был на удивление красив.

Но даже эта красота не могла распутать клубок мыслей в голове Цзинчжэ.

Дворец Сюсю...

Это место открывали только во время отбора наложниц.

В остальное время он был заброшен, как холодный дворец, и туда никто не ходил, кроме уборщиков.

Спрятать там что-то — хорошая идея.

Трудно найти.

Но и Цзинчжэ попасть туда будет непросто.

Нужен был подходящий предлог.

Во дворце Цяньмин говорила придворная дама.

Голос её был мягким, нежным и очень приятным.

— ...Несколько целей во дворце Чэнхуань в последнее время не упоминали Цзинчжэ... Цю И проверила его прошлое...

— Чжу Эрсин передал Цзинчжэ кольцо.

— Бинь Сюй, Мэйжэнь Лю, Фэй Дэ и Фэй Чжан посылали своих людей в Северные покои...

— У людей, посланных Вдовствующей императрицей для похорон, были...

Все тайные и явные события излагались её тихим голосом.

Император Цзинъюань слушал.

Он сидел с закрытыми глазами, перекатывая в руке гладкую нефритовую бусину.

Абсолютно чёрную, с глянцевым блеском.

Когда придворная дама замолчала, Цзинъюань открыл глаза, поднял бусину и небрежно спросил:

— Как думаешь, вырванный глаз будет так же красив, как эта чёрная жемчужина?

Придворная дама на мгновение замерла.

— У каждого человека лишь пара глаз, они должны быть дороже чёрного нефрита.

Чёрный нефрит — неживой предмет, не сравнить с человеческой жизнью.

Жизнь иногда бесценна, а иногда — ничего не стоит.

Подумав, она поняла, что дни тех слуг из дворца Чэнхуань сочтены.

Те, на кого обращал внимание Цзинъюань, не обязательно умирали сразу.

Но большинство... рано или поздно умирали.

— Но людей в мире много, и глаз тоже много, а чистый чёрный нефрит редок, — голос Цзинъюаня стал равнодушным. — Так же как и хитрецов много, а истинно добрых мало.

Интересных людей тоже мало.

Истинно добрых?

Такие в этом дворце давно вымерли.

Так подумала придворная дама, но не посмела сказать вслух и почтительно поклонилась.

Меньше чем через два дня этот красивый черный нефрит оказался перед Цзинчжэ.

Он держал в руках эту баснословно дорогую вещь и ошеломлённо смотрел на стоявшего в дверях Жун Цзю.

Его высокая фигура полностью заслоняла свет. Его прекрасное, изящное лицо, словно творение богов, заставляло Цзинчжэ смотреть на него снова и снова.

— Ты говоришь, что хочешь отдать это мне?..

Жун Цзю был спокоен:

— Подарок с дороги, забыл отдать.

Чёрный нефрит должен понравиться больше, чем глазное яблоко, верно?

Цзинчжэ необъяснимо вздрогнул.

Он и не подозревал, что мог получить в подарок мокрый, окровавленный глаз!

...Какой жестокий подарок.

<http://bllate.org/book/16993/1582739>